

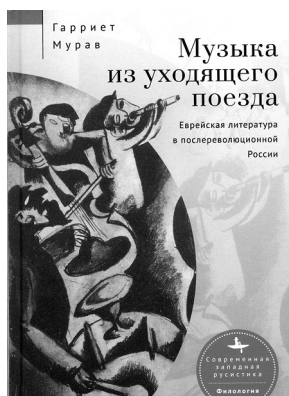
Дрожит вокзал от пенья Аонид...

DOI: 10.53953/08696365_2024_187_3_351

Мурав Г. Музыка из уходящего поезда: еврейская литература в послереволюционной России / Пер. с англ. А. Глебовской.

СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. — 463 с. —
(Современная западная русистика).

Главное достоинство монографии Гарриет Мурав — то, что эта книга существует, что она написана и напечатана, сначала по-английски¹, а теперь и в русском переводе (2022). Кроме этого, у нее масса других достоинств, недостатки, впрочем, тоже есть, да и как им не быть в сочинении объемом четыреста с лишним страниц и посвященном десяткам авторов. Но все это, и достоинства (существенные!), и недостатки (небольшие!), ничто по сравнению с главным — существованием книги, которая впервые последовательно рассматривает развитие советской еврейской литературы (и, шире, культуры) как единый процесс.

Монография Гарриет Мурав — эта моя сбывшаяся мечта, реализация давно сложившегося убеждения, а именно: еврейская литература — единый массив текстов, не зависящий от того, на каком языке (идише, иврите, русском, многих других) каждая конкретная книга была написана. Если бы такое расчленение (к сожалению, регулярно осуществляемое) имело смысл, то Шолом-Алейхема, одного из «главных» классиков еврейской словесности, пришлось бы числить по трем разным ведомствам — литература на идише (самый большой корпус его текстов), литература на русском, литература на иврите.

В XIX в., в процессе строительства национальных государств, возникло представление о нерушимой связи между языком (государственным или собирающимся им стать) и литературой, которая рассматривалась как продукт, воплощение языка. Этот взгляд определил школьную программу и в конечном счете устойчивую массовую веру в существование такой связи. Кажется, еврейская литература нарочно придумана для того, чтобы разрушить это представление.

Многоязычие еврейской словесности давно признано, тем не менее одни исследователи пишут о литературе на идише, другие — на иврите, третьи — о так называемой русско-еврейской литературе. Дело не в том, что нет специалистов, способных читать на двух и более языках, дело в устойчивой традиции. Появление монографии Мурав наносит удар по этой традиции, которая давно не имеет под собой никаких оснований, кроме почтенного возраста.

Еврейская литература с момента своего возникновения была многоязычной: еврейские писатели писали на двух или трех языках, часто отдавая предпочте-

1 Murav H. *Music from a Speeding Train: Russian Jewish and Soviet Yiddish Literature of the 20th Century*. Stanford University Press, 2011.

ние одному из них. Упомянутый Шолом-Алейхем далеко не единственный пример. Творческое многоязычие характерно и для Менделе Мойхер-Сфорима, и для И.-Л. Переца, и для Бен-Ами, и для Х.-Н. Бялика, и для многих других авторов конца XIX — начала XX в. Есть такие авторы и сейчас, например замечательный поэт, прозаик и переводчик Лев Беринский, пишущий на идише и на русском. В XX в. эта тенденция пошла на убыль: некоторые писатели начали не столько параллельно творить на двух-трех языках, сколько в процессе творческой эволюции менять один язык на другой. Например, Осип Дымов перешел с русского на идиш, а Эммануил Казакевич — с идиша на русский. Постепенно становилось все больше еврейских писателей, пишущих только на одном из еврейских литературных языков (русский, несомненно, в их числе), но они продолжали оставаться частью единого многоязычного литературного процесса. Писавшие на идише свободно владели русским языком, некоторые авторизовывали переводы своих книг. Многие еврейские писатели, писавшие на русском, знали, хотя бы разговорно, идиш, что сообщало особые краски их прозе. Например, для Горенштейна и Кановича идиш был языком детства. Впрочем, в поздних поколениях от идиша осталась только интонация.

Гарриет Мурав рассматривает советскую еврейскую литературу заодно с постсоветской, доводя свой исследование буквально до начала XXI века. Ее последние герои — это недавно умерший Олег Юрьев и ныне здравствующие, творчески активные Дина Рубина, Александр Мелихов и Инна Лесовая. К этому ряду я бы добавил не упомянутую, к сожалению, Мурав, тоже недавно умершую замечательную Маргариту Хемлин. Для всех этих авторов идиш, как возможность, как язык предков, продолжает существовать. Конечно, это не их язык, но, несомненно, язык их персонажей.

Советская еврейская литература — один из самых ярких примеров еврейского литературного многоязычия. Нельзя объять необъятное: Мурав ограничивается двумя наиболее «плодовитыми» еврейскими языками в СССР — идишем и русским, но справедливость требует сказать, что еврейская литература создавалась и на других языках народов СССР. Речь идет не о евреях, писавших на том или ином языке, а о тех писателях, для которых еврейское самосознание было существенной творческой краской. Я не эксперт в этой теме, так что называю только наиболее известные имена: еврейская литература развивалась на белорусском (Змитрок Бядуля), на украинском (Моисей Фишбеин), на грузинском (Герцель Баазов). Была советская еврейская литература на других еврейских языках — бухарско-еврейском и горско-еврейском, существовала (конечно, подпольная) советская литература на иврите (поэт Хаим Ленский и прозаик Цви Прейгерзон). Однако по количеству и качеству созданного на русском и идише другие варианты советской еврейской словесности отходят на второй план.

Монография Гарриет Мурав построена по хронологическому принципу. Исторический контекст, то, что происходило в Советском Союзе и, специально, на его «еврейской улице», для нее важнее творческих биографий отдельных писателей, поэтому одни и те же имена всплывают в книге на разных страницах и в разных главах. Историческая оптика определяет двухчастную структуру книги. Первая часть охватывает период от революции до Великой Отечественной войны включительно. Вторая часть — послевоенная. Выбор разделительной линии очевиден: после войны евреи продолжают существовать в СССР как нация, но исчезают как этнос. Последние местечки, то есть небольшие города с преобладанием еврейского населения, исчезают в пламени холокоста. Именно это, а не продолжающиеся аккультурация и языковой сдвиг, качественно меняет состояние советской еврейской литературы и культуры — они становятся «постэтническими».

Поражает воображение объем проработанных и осмысленных автором монографии текстов. Среди главных героев (в алфавитном порядке): Мойше Альтман, Исаак Бабель, Довид Бергельсон, Давид Выгодский, Семен Гехт, Шмуэл Гордон, Фридрих Горенштейн, Довид Гофштейн, Шира Горшман, Василий Гроссман, Дер Нистер (Пинхас Каганович), Эммануил Казакевич, Дина Калиновская, Григорий Канович, Юрий Карабчиевский, Лейб Квитко, Ицик Кипнис, Инна Лесовая, Семен Липкин, Осип Манделштам, Перец Маркиш, Александр Мелихов, Феликс Розинер, Ривка Рубина, Дина Рубина, Илья Сельвинский, Борис Слуцкий, Людмила Улицкая, Ицик Фефер, Илья Эренбург, Олег Юрьев, Борис Ямпольский.

Этот впечатляющий список — лучшее доказательство тезиса о двуязычии еврейской литературы, в нем — 20 авторов, писавших/пишущих на русском, 11 — на идише, еще один (Эммануил Казакевич) писал на обоих языках. Пятеро из этого списка активно переводили с идиша на русский, трое — с русского на идиш.

Поражает эрудиция Гарриет Мурав. Кроме упомянутых авторов и их книг, в обзор включены еще и некоторые ключевые советские еврейские кинофильмы, такие как «Еврейское счастье» Алексея Грановского (1925), «Возвращение Нейтана Беккера» Рашель Мильман-Кример и Бориса Шписа (1932), «Граница» Михаила Дубсона (1925). Характерно, что первые два были сняты в двух версиях — на русском и на идише. Гарриет Мурав подробно говорит и о других значимых явлениях культуры: обсуждает спектакли Московского ГОСЕТа, инсталляции Ильи Кабакова.

Отдельное достижение книги Мурав в том, что она выделяет как особую миссию в советской литературе работу еврейских литераторов как переводчиков, прежде всего переводчиков с языков народов СССР. Еврей, сам недавно сменивший язык, становится всеобщим литературным посредником, сшивающим многоязычную литературу в единое целое — это новый и, кажется, очень плодотворный взгляд на историю многонациональной советской литературы.

Я достаточно свободно читаю на идише, еврейская литература входит в круг моих профессиональных интересов, тем не менее я читал не все произведения, разобранные в монографии. Потенциальный читатель русского перевода «Музыки из уходящего поезда» явно читал далеко не все из числа обсуждаемых текстов, читатель американского оригинала — и того меньше. Много места в монографии по необходимости занимают краткие пересказы содержания и анализ проблематики обсуждаемых работ. Конечно, художественные книги надо читать целиком, в оригинале или в добротном художественном переводе. Обсуждаемая книга не заменяет собой этого чтения, но зато создает величественную панораму советской еврейской культуры как единого многоязычного целого на фоне событий мировой, советской и еврейской истории. По существу, перед нами почти энциклопедия советской еврейской литературы.

Необходимость выбрать, прочитать, осмыслить, контекстуализировать такое количество произведений — грандиозная задача, решение которой с неизбежностью сопровождают ошибки. Нет смысла перечислять их все, так как они не определяют качество проделанной работы. Приведу одну, наиболее, на мой взгляд, досадную. Гарриет Мурав обсуждает творчество Эммануила Казакевича, прекрасного русского прозаика и ключевой фигуры в литературной жизни оттепели. До войны Казакевич писал только на идише. Был самым ярким среди молодых еврейских литераторов — плодовитым поэтом, прозаиком, драматургом и переводчиком с русского и европейских языков, любимым учеником великого Довида Бергельсона. Вернувшись с фронта, он в 1946 г. написал повесть, основанную на своем боевом опыте. Написал ее сразу на двух языках — русском и идише. Эта повесть по-русски называется «Звезда», а по-еврейски — «Ди грине шотнс» («Зеленые тени»). Обе версии были опубликованы в 1947 г. с интервалом в месяц. «Звезда» принесла

Казакевичу успех, Сталинскую премию, экранизацию и сразу поставила его в ряд лучших советских прозаиков. Версия на идише была надолго забыта. Гарриет Мурав упоминает о том, что в 1950-х гг. Казакевича переводили на идиш за рубежом, явно не зная о существовании авторской версии на идише. Между тем история «Звезды» / «Ди грине шотнс» — лучший пример того, что советская еврейская литература представляла собой единое целое, в котором до поры до времени выбор языка не играл такой большой роли.

Советская в недавнем прошлом, а теперь уже постсоветская еврейская литература по-прежнему продолжает существовать на двух языках — русском и идише — как пальто из двуличной ткани. Та сторона, которая на идише, плохо известна современному российскому читателю, хотя отдельные переводы время от времени появляются. Мне приятно назвать лучшие, наиболее яркие имена — поэты Велвл Чернин и Довбер Керлер, поэты и прозаики Лев Беринский и Михаил Фельзенбаум, прозаик Бер Котлерман. Есть и гораздо более известные русскому читателю еврейские авторы, пишущие на русском языке, в первую очередь те, кто был упомянут выше. Евреи в Советском Союзе вот уже семьдесят лет перестали существовать как этнос. Последние следы традиционной этнической жизни удалось собрать этнографическим экспедициям в Украине и Молдове в начале 2000-х гг. Сейчас нет и этого. Еврейское население стремительно убывает на постсоветском пространстве, а «музыка из уходящего поезда» продолжает звучать не стихая.

В начале своей монографии Гарриет Мурав объясняет ее название, ссылаясь на выступление Довида Бергельсона в Варшаве в 1930 г., незадолго до его возвращения в Советский Союз. Он сравнил советскую литературу с «музыкой из уходящего поезда», а ее польских читателей — с теми людьми на перроне, до которых она доносится. Поезд уехал, оставшиеся не могут услышать и понять всю пьесу целиком. Очевидно, Бергельсон указывал на быстрый прогресс советской литературы, неразрывно связанный с прогрессом всего советского общества. Не разделяя очарования советской утопией, согласимся с метафорой: литература едет в поезде истории, и о скорости его движения, о том, что происходит в вагонах, можно судить по звукам этой мчащейся музыки. Куда уехал поезд истории — отдельный вопрос, но музыка продолжает звучать.